

Невышедшая книга о Н. А. Некрасове

Прежде всего несколько слов об ее авторе.

Николай Андреевич Панов (1861--1906) пользовался некоторой известностью как поэт. Ему принадлежит несколько сборников стихотворений, из которых первый - "Думы и песни" - вышел в свет в 1882 году, а последний, посмертный - "Вперед!" - в 1907 году.

Хотя автор вступительной статьи о Панове, открывающей посмертный сборник, и утверждает, что "Панов, наряду с Кольцовым, Никитиным и Суриковым, является одним из выдающихся и самых типичных народных поэтов", однако эту оценку нельзя не признать явной гиперболой. Поэтическое дарование Панова было небольшим, а главное неоригинальным.

За всем тем Панов искренне любил русскую литературу в лице ее лучших представителей, и эта любовь сказалась не только в его стихах (см., например, стихотворения, посвященные Радищеву, Герцену, Тургеневу, Чехову, Плещееву, Н. В. Успенскому, А. М. Жемчужникову и др.), но и в его критических статьях - о Кольцове, Сурикове, А. К. Толстом и Герцене.

Особое внимание уделял Панов, и как поэт и как критик, Некрасову.

Нам известны три стихотворения его о Некрасове, относящиеся к концу 90-х и началу 900-х годов (о них речь будет ниже).

Не довольствуясь ими, Панов задумал всесторонне, в особой монографической работе, осветить жизнь и творчество Некрасова. Эту работу он начал печатать огромными фельетонами на страницах газеты "Уральская жизнь" (1902, NoNo 351, 354; 1903, NoNo 8, 11, 18, 25, 38, 39, 56, 57, 86, 90, 153, 156, 160, 171, 172, 174, 187), которую редактировал дружественно к нему расположенный П. И. Певин. {Об отношении Панова и Певина говорится в статье К. Максимова "Поэт Н. А. Панов" ("Исторический вестник", 1909, No 9, стр. 930).}

Хотя общий листаж фельетонов Панова о Некрасове в "Уральской жизни" и очень велик (до 12 печатных листов по 40 000 букв), все же ему не удалось полностью напечатать свою монографию в газете Певина.

В наши руки уже не один десяток лет тому назад попала написанная Пановым, но так и не появившаяся в печати заключительная часть его труда. В ней всего три главы, но эти главы составляют не менее 15 печатных листов. Таким образом, ненапечатанная часть монографии Панова значительно превышает по своим размерам напечатанную ее часть.

О том, как велась работа Панова и какие цели он ставил перед собой, мы узнаем из нижеследующего авторского "необходимого объяснения" к первому же фельетону Панова о Некрасове в "Уральской жизни":

"Необходимое объяснение. Рассмотреть всесторонне богатое, глубоко содержательное творчество такого поэта, как творец "Рыцаря на час", "Тишины", "Мороза", "Русских женщин", "Кому на Руси жить хорошо", осветить деятельность такого передового бойца, как редактор "Современника" и "Отечественных записок", друг-соратник Белинского, Добролюбова, Чернышевского, товарищ-единомышленник Салтыкова, Елисеева, Писарева, Михайловского, определить значение такого представителя русской интеллигенции минувшего века, как Некрасов, трудно в небольших газетных статьях. Краткие очерки не прибавляют ничего к тому, что составляет скудную литературу о Некрасове. Давая слово редактору-издателю "Уральской жизни" написать о жизни и поэзии Н. А. Некрасова, я ограничивался прежде несколькими очерками, но потом, когда предо мною, в ярких картинах, предстала эпоха, в которую жил и действовал Некрасов, мне захотелось уже создать нечто более совершенное в сравнении с тем, что было задумано мною год тому назад и о чем объявлено было на столбцах этой газеты. Задавшись иною целью, я погрузился в весьма сложную работу - при накоплении новых ценных

материалов, открытых знакомыми поэта и современными библиографами, следствием чего вместо "Жизнь и поэзия Некрасова" явился труд, под названием "Некрасов, его время, жизнь и деятельность", потребовавший значительно больше времени, почему начать печатание его пришлось только в исходе сего декабря. {28 декабря 1902 года.} Преследуя главную цель труда, я... рассматривал творчество нашего великого поэта в связи с биографическими данными, историей времени и общества".

"Историко-литературное исследование" Панова, как неоднократно называет его автор, распадается на двенадцать глав, из них девять были напечатаны в "Уральской жизни", а три заключительные остались ненапечатанными. Их текст содержится в особой клеенчатой тетради, исписанной мелким, как бисер, почерком автора.

Все главы имеют заголовки, но в книге нет общего оглавления.

Вот эти заголовки, позволяющие получить хотя бы внешнее представление о характере и содержании книги Панова:

I. Детство и отрочество.

II. Юность. Труд, борьба за существование. Первые печатные опыты.

III. Луч света в "темный период". Знакомство с Белинским. Привязанности Некрасова. Расцвет его таланта.

IV. "Современник" и его кружок. Душа простолюдина в некрасовских песнях. Смерть Белинского. Трудные годы. Муза Некрасова. Стихотворения 1851--1852 годов.

V. Новые невзгоды и нравственные пытки Некрасова. Забвение - в поэзии. Сила и значение возрастающего творчества.

VI. Разные типы и новые люди в изображении Некрасова. Сотрудники "Современника", Чернышевский, Добролюбов. Болезнь поэта и поездка его за границу.

VII. Возвращение на родину. Лавры и тернии. Заря новой жизни и смерть Добролюбова.

VIII. Исчезновение Чернышевского. Сотрудничество Щедрина, М. Антоновича, Ю. Жуковского и других. Конец "Современника". Новые напасти на Некрасова. Лучшие его произведения. "Отечественные записки". Д. И. Писарев. Его кратковременная деятельность и смерть.

IX. Кружок "Отечественных записок": Н. К. Михайловский, Г. З. Елисеев, М. Е. Салтыков и другие. Отношение Некрасова к начинающим писателям. Стихотворения, посвященные русским детям. Их воспитательное значение. Некрасов на охоте. Рассказ мужика о нем. Один из декабристов.

X. Две эпопеи Некрасова.

1. "Русские женщины".

2. "Кому на Руси жить хорошо".

XI. Предпоследние годы жизни Некрасова. Из воспоминаний Н. К. Михайловского. Элегия "Уныние" и сатира "Современники". Последние песни. Смерть Н. А. Некрасова. Его похороны. Памяти поэта.

XII. Сверка критических мнений о Некрасове. Заключение.

Если бы Панов, руководствуясь такого рода планом, написал критико-биографический очерк в 2--3 печатных листа, возможно, что этот очерк и удовлетворил бы тем требованиям, которые предъявляются к подобным работам. Однако Панов думал о другом - о создании "историко-литературного исследования", посвященного Некрасову. Нужно сказать прямо, что на этом поприще его постигла неудача. В его пухлом "труде" в 27 печатных листов научно-исследовательские элементы отсутствуют. Автор - дилетант и не владел методами научно-исследовательской работы. "Труд" Панова, вопреки его заглавию, является не историко-литературным исследованием, а огромным очерком, отчасти публицистического, но еще в гораздо большей степени беллетристического характера, - очерком, написанным на историко-литературную тему.

Не имея в то же время достаточного количества источников, {Правда, в этом случае вина Панова не так уж велика, ибо к 1901--1902 годам, когда писалась его работа, число появившихся в печати источников определялось очень скромными цифрами.} Панов перегрузил свое "исследование" цитатами из стихотворений Некрасова, а также пересказами их содержания. К наиболее обширным цитатам и пересказам Панов, сплошь да рядом, присоединял свои рассуждения то наивно-эстетического, то наивно-публицистического характера.

Вот, в подтверждение, несколько примеров, взятых наудачу.

Прочитывая "Несжатую полосу", Панов восклицает: "Какая сжатость и картинность выражения! Какая музыкальность! Вслушайтесь в то, что у поэта говорят колосья, вам представится - как они, по воле ветра, колеблются, послышится их жалобный шум, и сердце ваше сожмется от сочувственной боли". {"Уральская жизнь", 1903, No 39, 8 февраля.}

И далее: "Сколько трогательной нежности в выражении "моченьки нет"!.. В этом стихотворении бессмертной красоты он (Некрасов, - В. Е. -М.) превзошел не только великого шотландского поэта Роберта Бернса или нашего Кольцова, порою однообразного, идиллического, но и самого себя". {Там же.}

Цитата из стихотворения "Маша" наталкивает Панова на длинное рассуждение о неудовлетворительности женского воспитания и образования, заканчивающееся такими словами: "... прелестные создания, не приспособленные к труду, к хозяйству, выйдя замуж, наивно полагают, что они приносят своим избранникам не божью кару, не миллион терзаний, изо дня в день помножаемый женскими капризами, легкомыслием, хитростью, лукавством на миллион пятьсот тысяч адских мук, а сладость всех эдемов, и земных, и небесных... Сколько таких, как некрасовская Маша, нежных подруг, верных жен, уложивших и укладывающих своих спутников и мужей в безвременные могилы!". {Там же. No 25, 25 января.}

Переписав почти все стихотворение "Памяти Асенковой", автор заявляет, что в "наше время артистического самовозвеличивания посредством широковещательных реклам нет уже наивных Асенковых, преданных всей душой искусству. Образ идеальной, бескорыстной артистки, жизнь которой была отравлена клеветой и угасла подобно звездочке, скатившейся с неба, должен быть путеводной звездой, внушительным примером для современных и будущих жриц Мельпомены". {Там же. No 38, 7 февраля.}

Образ помешанного изобретателя из стихотворения "В больнице" внушает Панову такие мысли: "Как ни странно для всякого здравомыслящего, человек этот попал не в дом умалишенных, а в больницу, очевидно, дающую без разбора приют всем больным даже в одной общей палате. При нашей малокультурности, возмутительной противообщественности, при нашем обычном нерадении к ближнему, такое явление и до сих пор не редкость как в столицах, так и в провинции, на что чуть не каждый день грозным, обличительным перстом указывает и столичная, и провинциальная печать". {Там же, No 56, 27 февраля.}

Панов не ограничивается, однако, тем, что заполняет многие страницы своего "исследования" цитатами, пересказами, рассуждениями, вроде приведенных. Побуждаемый отсутствием фактического материала, он систематически прибегает к помощи вымысла. Это относится главным образом к биографическим главам его работы.

Нужно, скажем, описать детство поэта, а фактического материала нет, - Панов перевоплощается в беллетриста. Он рассказывает, точно о несомненных фактах, и о том, как "Коля" с его "неразлучной сестрой" боялись "запыленных семейных портретов", висевших в "сумрачном зале с полуиспорченным паркетом, издававшим непонятный... треск", и о том, как родители, отправляясь в гости к соседям, брали с собой "маленького Колю", которого "закутывали в мех". С такой же легкостью Панов утверждает, не имея для этого никаких фактических данных, что "ребенок заучивал наизусть басни Дмитриева, знал наизусть державинскую оду "Бог", а несколько позже бредил "Русланом и Людмилой", "Кавказским пленником" "Цыганами", героями "Полтавы", приходил в восторг от "Бориса Годунова", только что вышедшего тогда целиком "Евгения Онегина"". По Панову, и только по Панову, "Коля Некрасов", в бытность свою ярославским гимназистом, "посещал театр и возвращался из него с непреодолимым желанием написать что-нибудь вроде "Велизария", и непременно стихами. Он сделал несколько драматических попыток". Перейдя к петербургскому периоду жизни Некрасова, Панов с такой же легкостью ведет своего героя в Александрийский театр - смотреть гоголевского "Ревизора". Юноша Некрасов уже тогда, фантазирует Панов, "до глубины души возмущался" оправданием действительности в духе философии Гегеля и при случае произносил целые филиппики по адресу "достохвального Гегеля, что с жиру бесится". {"Уральская жизнь", 1902, No 351, 28 декабря, No 354, 31 декабря, 1903 No 8, 8 января.}

Как ни несомненны недостатки работы Панова, однако уже самый факт ее создания не лишен известного значения. Его нельзя не поставить в связь с тем переломом в отношении к поэзии Некрасова, который наметился в самом начале 900-х годов. Оживление общественной жизни, предвещавшее приближение революционной бури, обусловило, между прочим, и усиление интереса к творчеству великого русского поэта, неизменно стоявшего на революционных позициях. Нельзя, конечно, объяснить случайностью, что именно в эти годы создается первая большая монография о Некрасове, что в качестве автора ее выступает не присяжный историк литературы, не представитель официальной науки, а поэт из народа. Точно так же нельзя объяснить случайностью, что находится газета, провинциальная газета, которая, не боясь утомить внимание читателей, из номера в номер печатает значительную часть этой монографии.

Пусть автор не вполне справился со своей задачей - все же в его труде есть сторона, безусловно заслуживающая внимания. Панов, при его исключительном интересе к жизни, личности, творчеству Некрасова, не упускал случая беседовать о поэте с людьми, его близко знавшими. В результате ему удалось собрать и использовать в своей работе некоторые, еще не появлявшиеся в печати, воспоминания о Некрасове. Об этом он говорит с достаточной определенностью в начале третьей главы: "Те (воспоминания), которые пришлось когда-нибудь случайно слышать, мы передаем собственными словами, другие же, напечатанные, приводим целиком с указанием источника. Разумеется, нельзя поручиться за безукоризненную достоверность сведений, имеющих свойства литературных преданий, но невозможно и отвергать их на зыбкой почве окончательно не установившейся истории русской литературы известных периодов, если при сличении с другими несомненно точными данными многое в них гармонирует с последними". {"Уральская жизнь", 1903, No 11, 11 января.}

Какие же сведения, носящие свойства литературных преданий, как несколько замысловато выражается Панов, содержит его книга?

Подобного рода сведения несомненно есть как в напечатанной, так и в ненапечатанной частях ее. Однако установить и извлечь их не так-то уж просто - по той причине, что автор в большинстве случаев не указывает, когда он прибегает к помощи голого вымысла, а когда передает "литературные предания".

Тем не менее, в отдельных случаях, со значительной степенью вероятности, все же возможно установить, где кончается вымысел Панова и начинается быль, заимствованная им из "литературных преданий".

Так, едва ли возможно сомневаться, что в напечатанной части книги такой былью являются те отрывки восьмой главы, в которых изображаются отношения Некрасова и Якушкина, а также отрывки девятой главы, повествующей об отношении Некрасова к

Куцневскому и другим начинающим писателям. Сюда же следует отнести из текста той же главы пространный рассказ одного из спутников Некрасова по охоте, крестьянина Дементия, об отношении Некрасова к крестьянам, об его беседах с ними на общественные темы, об его интересе и внимании к народному языку.

Поскольку весь этот материал уже напечатан, едва ли было бы рационально перепечатывать его здесь. Зато не будет излишним привести ряд отрывков мемуарного характера из ненапечатанной части книги. Эти отрывки относятся преимущественно к двум последним годам жизни Некрасова, о которых Панову, как можно думать, чаще всего приходилось беседовать с Плещеевым и другими современниками Некрасова. Один из этих отрывков интересен тем, что в нем приводятся воспоминания самого Панова о его беседе с Чернышевским об Н. А. Некрасове.

В 1876 году Некрасов начал опять прихварывать: у него появились прежние колики в желудке и нервные судороги в бедре левой ноги. Иногда, спускаясь или поднимаясь по лестнице, он вдруг останавливался, хватался руками за перила, крепко стискивал, от мучительной боли, зубы, чтобы сдержать крик и подзывал знаком к себе швейцара, который брал Николая Алексеевича под руки и вел к двери его квартиры: на знакомый тревожный звонок, в таких случаях, появлялась сама Зинаида Николаевна, испуганная, бледная, с обычным вопросом: "что с тобой?". Поэт, махнув рукой, безмолвно проходил в свой кабинет и бросался на диван. Когда мучительные боли прекращались, он призывал Зинаиду Николаевну, усаживал ее возле себя и вел с нею душевную беседу. Суровое за несколько минут перед тем, лицо преображалось: глаза светились кроткою грустью. Иногда он, глядя на портреты Белинского, Добролюбова и Чернышевского, вспоминал этих славных людей, своих соратников, скорбел о преждевременной смерти первых двух и о положении последнего, находившегося тогда в Сибири. Раз при появлении С. П. Боткина, который лечил Некрасова и был с ним в дружеских отношениях, Николай Алексеевич сказал ему: "Гляжу вот на его портрет и думаю, как то он там. Похлопочите, отец, похлопочите; авось нам удастся переселить несчастного из Сибири". Впоследствии знаменитый медик, пользуясь благоволением Александра III, добился перевода Чернышевского, кажется из Семипалатинска {Ошибка Панова: не из Семипалатинска в Астрахань, а из Виллюйска в Астрахань.} в Астрахань, о чем рассказывал нам, незадолго до своей смерти, сам Николай Гаврилович в Саратове.

Было чудное майское {Ошибка Панова: в действительности эта встреча не могла состояться ранее июня 1889 года. Объяснение см. ниже.} утро, когда мы сидели с ним (Чернышевским, - В. Е. -М.) за чайным столиком, близ ресторана в Барыкинском саду, на самом берегу Волги. В воздухе, напоенном запахом сирени, щебетали птицы; одна из них, неподалеку от нас, в кустах боярышника так весело щебетала, что собеседник, сняв шляпу, долго, с поднятою высоко головою, добродушно улыбаясь, искал взором щебетунью. Он чувствовал себя превосходно, жаловался только на удушье, приобретенное им еще в ссылке, охотно вспоминал свое прошлое с момента ареста до переселения в Астрахань, а потом в Саратов, говорил о пережитых невзгодах, о тяжелой неволе, без горечи, повторял: "и не то бывает! бывает хуже!".

Когда зашла речь о "Современнике", он глубоко вздохнул и несколько минут сидел молча, как будто в это время воскресло его славное былое. Про Некрасова, как поэта и человека, он сказал следующее: "Его не все из нас понимали и любили, но он-то видел нас насквозь и, ох, как понимал. Зоркое око имел покойный и был подчас немножко строптив; да ведь надо знать - что пережил... не легче, пожалуй, моей каторги. А поэт был большой, как Пушкин, как Лермонтов. Только жаль, не пройти ему теперь в народ, не пройти... Интеллигенция, молодежь его любит, многие почти наизусть знают, но кое-кто поохладел, забывать начинает. Не беда: после оценят, да еще как. Памятник ему в Петербурге поставят, не хуже, может быть, Пушкинского в Москве. И стоит он такого памятника, заслужил... Вот вы упомянули, когда мы шли сюда, хваленого N, {Т. е. Надсона.} с которым все, особенно дамы, почему-то носятся. Красиво, тепло - и только. Вы говорите: "гражданская скорбь"... Какая там скорбь гражданская! Обычные плещеевские мотивы с собственными вариациями. Нытье, не спорю, искреннее, но оно вас не поднимает. Хныканьем не заставить плакать других. Если хочешь, чтобы тебя слушали, надо рыдать и смеяться, как Байрон, Гейне, Гоголь, Некрасов. Кстати, мнение Гоголя о будущем русской поэзии: "Скорбью ангела загорится наша поэзия". Пророчество сбылось

на Некрасове. На днях я перечитал его от доски до доски.., Не отразим! Взять хотя бы "Последние песни". Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила, какой огонь! Ему больно, вместе с ним и нам тоже. Если помните наизусть его вступление к "последним песням", прочтите пожалуйста".

Под веселое щебетание птицы, и голоса рабочих, доносившихся с пристани, под шум волн и паровых колес, на берегу родной Некрасову Волги, прозвучали его же, некрасовские стихи. (Далее целиком цитируется стихотворение "Нет, не поможет мне аптека"). {Часть этого отрывка (начиная со слов "Было чудное майское утро") опубликована нами в "Литературном наследстве", кн. 49--50, М., 1946, стр. 600, 602.}

Лето 1876 года поэт провел в Гатчине. {Сообщение автора о жизни Некрасова в Гатчине летом 1876 года не подтверждается существующими материалами, которые говорят, что Некрасов с середины июня до конца июля жил на своей охотничьей даче в Чудовской Луке и лишь несколько раз ездил к лечившему его С. П. Боткину в Гатчину, останавливаясь в трактире Веревкина (см.: Н. С. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М. --Л., 1935, стр. 480--481; Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. XI, Гослитиздат, М., 1952, стр. 398--401). Не мог жить Некрасов в Гатчине и в августе, так как в это время он жил в Петербурге, а в конце месяца уехал в Ялту. (Ред.)} Он жил в доме, затененном с уличной стороны густо разросшеюся зеленью, которая почти не пропускала солнечного света в комнаты, и в них постоянно царил мягкий зеленоватый сумрак, приятный для зрения и успокоительный для больных нервов. Солнечный свет получался с террасы; там, неизменно каждое утро Николай Алексеевич пил молоко и читал приходившую ежедневно из Петербурга обширную корреспонденцию, пробегал газеты, делал в них синим карандашом пометки, нужные для "Отечественных записок". Едва начинались приступы болезни, как раздавался его отчаянный призыв на помощь. Больного уводили в одну из комнат с зеленоватым сумраком и укладывали в постель, окружая лекарствами. Проходившие мимо некрасовской дачи, в это время, могли слышать крики ужасной, невыносимой муки. Отступала болезнь, и больной погружался в глубокий тихий сон. Желтое лицо его становилось смертельно бледным; взглянув на него, окружающие думали: "не умер ли?". Но он был жив и жил, то равнодушно, то терпеливо ожидая смерти. Поэт предчувствовал близость ее, вспоминая о прежней болезни в пятидесятых годах, говорил врачам и знакомым, посещавшим его: "Тогда все доктора в один голос приговорили меня к смерти, а у меня внутри не переставало жить убеждение, что я останусь жить, а теперь совсем наоборот: доктора все обнадеживают, а я убежден, что мне не встать"...

Борясь отчаянно с болезнью, Некрасов не покидал литературного поприща, как храбрый воин не покидает поля битвы. Он вслушивался во все, одно порицал, другое хвалил, следил за полемикою враждующих лагерей. Его влияние на "Отечественные записки" распространялось попрежнему: почти все, и в рукописях, и в корректурах, им строго просматривалось. Не поднимаясь с постели у себя, в Гатчине, он вел, насколько возможно, продолжительные беседы с А. Н. Плещеевым, который часто приезжал к нему на дачу. Николай Алексеевич любил его и доверял ему, как другу. Болезнь развивалась быстро, не поддаваясь лечению. С. П. Боткин, приезжавший несколько раз в Гатчину, сказал, что он сам проведет осень в Крыму, куда - под свое наблюдение - направлял и Некрасова. Покинув "Гатчинскую засаду", как называл поэт свое временное местопребывание, он заглянул на неделю - увыв в последний раз - на любимую дачку при Чудовой Луке, где написано им много хороших стихов, где много отрадных дней проведено в творческом уединении после блужданий с ружьем и Кадо по болотам, наконец, где похоронен его верный пес, павший жертвою роковой случайности. Поездка в Крым и лечение Боткина значительно, хотя и ненадолго, поправили здоровье поэта: приступы болезни, за время пребывания его на берегу Черного моря, являлись реже, и поэт весь ушел в дописывание и обработку последней части эпопеи "Кому на Руси жить хорошо", прерванной в Ялте 6 октября 1876 года. Она посвящена С. П. Боткину. Возвратившись в Петербург, Некрасов опять слег. Плещеев, не без основания, говорил ему: "Вам, Николай Алексеевич, не надо было так скоро возвращаться в наши гнилые места". Некрасова трудно было удержать вдали Петербурга, с которым он сжился. "Странное дело, - удивлялся сам поэт, - ведь, кроме зла, мне город этот ничего, под конец моей жизни, не дал, а вот люблю его, за что - не знаю, вероятно, по привычке".

Лежа в своем кабинете на Литейном проспекте, он предавался не веселым думам. Иногда пессимизм его доходил до крайних пределов...

В начале 1877 года поэт вновь приступил к давно начатой и вчерне законченной лирической поэме "Мать", уносясь все чаще и чаще мечтами в былое, дорогое ему воспоминаниями о незабвенной матери; он держал подле себя на столике, между столиками с лекарством, маленькую тетрадь, испещренную поправками, и часто в нее заглядывал. Поэту казалось, что он не вполне обессмертил свою мать в бесподобной, тоже лирической, поэме "Рыцарь на час", а потому он решил оставить после себя еще более достойное ее, священной для него, памяти. Руководясь известным правилом Шиллера ("Форме дай щедрую дань"), поэт шлифовал чуть ли не каждый, на его взгляд, слабый стих; но болезнь ослабляла творческие силы, воображение имело лишь туманные образы да блекнувшие краски. Усталый, после бессонных ночей, мозг был неспособен к напряженной работе, за которую поэт принимался обыкновенно в минуты, свободные от "лирических порывов". Следствием этого явилась неизбежная отрывочность, но и при ней поэма Некрасова остается вдохновеннейшим его произведением.

Определенность указаний Панова на разговор Некрасова с Боткиным о Чернышевском, на беседу его, Панова, с Чернышевским о Некрасове в Саратове предрасполагает к выводу, что в этих конкретных случаях Панов в основном не прибегал к вымыслу. Точно так же, передавая подлинные слова Чернышевского, Некрасова, Плещеева, он, повидимому, повторял, не гонясь, разумеется, за точностью выражений, то, что действительно слышал от Чернышевского и Плещеева. Подробности, характеризующие тяжкую и неимоверно мучительную болезнь Некрасова, также не могли быть вымышленными.

Кроме приведенных отрывков мемуарного характера, в рукописи Панова цитируется одно стихотворение, приписываемое им Некрасову. Приводим соответствующую страницу полностью, оговорившись, что она следует непосредственно после рассказа о том, как Зинаида Николаевна нечаянно застрелила на охоте Кадо, любимую собаку Некрасова.

Некрасову приписывается стихотворение, посвященное памяти Кадо. Было ли оно где-нибудь напечатано и почему не вошло в полное собрание сочинений Некрасова - не знаем. В конце семидесятих годов, помнится, много ходило по рукам разных стихотворений несомненно некрасовских, не попавших в печать по цензурным условиям, частью и сомнительных. Мы получили в то время по записи от одного казанского студента, родом ярославца, это стихотворение под названием "Кадо", кажется, тоже у кого-то списанное. Вот оно:

Сражен не силой роковой
*Непобедимого недуга,*¹
Убит не вражеской рукой,
Рукою искреннего друга.

Убит Кадо! *Мой верный пес,*
Мне жаль тебя, мне жаль сердечно!
Свою собачью службу нес
Ты, в полном смысле, безупречно.

Дремля, у ног моих лежал,
Пока я довершал работу,
И громко, весело визжал,
Когда собирались на охоту.

Тебе, бывало, нипочем -
Все: дождь и снег, гроза, ненастье,
Со мной ходил ты под ружьем,
И я имел в охоте счастье.

Достоин ты больших похвал
За ум, за свой характер твердый,
За то, что рабски не лизал
Мне руки, благородно гордый...

Убит Кадо! Кадо убит!
Погиб навеки пес мой верный,
Но он и мертвый пристыдит
Нас, многих, верностью примерной.

Не ручаемся за достоверность, но остановимся на подчеркнутом: есть кое-что некрасовское. Вспомним, *"Баюшки-баю"* из *"Последних песен"* начинается так: "непобедимое страданье". Эпитет "непобедимый" находим и в спорном стихотворении. Далее: "мой верный пес". Сравните с шестым стихом из "Вступления" к "Песням 1876--77 годов": "Угрюм мой верный черный пес". Затем: "и громко, весело визжал, когда сбились на охоту" - черта наблюдательности специально охотничьеской. Наконец: свойственный Некрасову тон в подчеркнутых стихах предпоследней строфы и заключительные стихи, полные чисто некрасовского сарказма. Но - принадлежит ли это стихотворение Некрасову - повторяем: не ручаемся.

Осторожность, проявляемая в данном случае Пановым, естественна и понятна. Основания, по которым данное стихотворение могло бы быть приписано Некрасову, весьма шатки. Но, с другой стороны, возникает вопрос: если не Некрасов, то кто же его сочинил? Ясное дело, его мог сочинить только человек, знавший и о том, как любил Некрасов Кадо, и о том, при каких обстоятельствах Кадо погиб. Таким человеком мог быть сам Панов, который, вообще говоря, не прочь был писать под Некрасова. В той же ненапечатанной части его книги содержится следующая переделка общеизвестных стихов из поэмы "Кому на Руси жить хорошо":

Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого -
Решетникова Федора,
Успенских двух, Левитова,
Слепцова, Златовратского,
Каронина, Нефедова,
Засодимского, Салова,
А главное -- Некрасова,
Всего без исключения,
С базара понесет.²

Если допустить, что стихотворение "Кадо" сочинено Пановым, то он подлежит упреку в мистификации. Однако никаких указаний на то, что Панов был способен на мистификацию, в нашем распоряжении нет. Точно так же нет данных, указывающих, что стихотворение сочинено каким-либо другим лицом. Эти соображения, конечно, не решают вопроса об авторе стихотворения, но все же дают известные основания относить его к числу приписываемых Некрасову стихотворений, к числу Dubia.

Любопытно, что в напечатанной части книги Панова есть еще одна стихотворная строка, приписываемая им Некрасову. Речь идет о строке из стихотворения "Отрывки из путевых записок графа Гаранского".

Известно, как подозрительно относилась к этому стихотворению цензура и каким жестоким урезкам подвергся его текст в первом же издании стихотворений Некрасова (1856). Из текста второго (1861) и третьего (1863) изданий оно было исключено вовсе. Правда, начиная с четвертого издания, 1864 года, "Отрывки из путевых записок графа Гаранского" вновь начинают печататься, но с цензурной купюрой, на которую указывают ряды точек. Купюра падает на конец четверостишия, повествующего о кровавой расправе мужиков с угнетавшим их помещиком:

Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним...
"А что?"
.

.....
Невольню я вздрогнул. Ямщик приподнял кнут.

В четвертом и пятом изданиях, как и в только что перепечатанном тексте, три ряда точек, но в шестом издании, 1873 года, последнем прижизненном, тщательно просмотренном поэтом, всего один ряд точек - от слов "А что?"... до конца первой строчки. С одним рядом точек опять-таки после слов "А что?" печаталось это стихотворение во всех посмертных изданиях, кончая первым советским изданием 1920 года.

Уже по выходе этого последнего, в 1922 году вышел в свет сборник "Некрасов", составленный по рукописным материалам Пушкинского Дома при Российской Академии Наук, в котором из рукописного сборника 50-х годов, принадлежавшего Л. Н. Модзалевскому, были перепечатаны те стихи интересующего нас стихотворения, которые, как непропущенные цензурой, во всех предыдущих изданиях заменялись точками. Напоминаем их:

-- А что? - "Да сделали из барина-то тесто".
- Как тесто? - "Да в куски живого изрубил
Один мужик... попал такому в лапы".
- За что же? - "Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы.
- Как так? - "Да так, сударь, чуть женится мужик,
Веди к нему жену: проспит с ней перву ночку,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик.
Сначала потерпел, - не всяко лыко в строчку,
А после и того... А вот, примерно, тут,
Извольте посмотреть...³

С тех пор во всех советских изданиях "Отрывки из путевых заметок" печатаются со включением этих десяти стихов.

Теперь предоставим слово Панову. "В одной старой помещичьей усадьбе, - пишет он в пятой главе своей работы, - нам пришлось несколько лет тому назад найти тетрадь, в которой среди запрещенных стихотворений разных авторов, например - Одоевского, Рылеева, Огарева, Розенгейма, - мы видели два некрасовских, и в том числе "Отрывки из путешествия...", со вставкою отсутствующего стиха, за принадлежность коего Некрасову, разумеется, не ручаемся. Однако, на всякий случай, воспроизводим его:

*Бац по башке, да и стащили в лес-то.*⁴

"Рассматриваемое четырехстишие после включения этой стихотворной строчки примет такой вид:

Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним.
"А что?" Бац по башке да и стащили в лес-то.
Невольню я вздрогнул. Ямщик приподнял кнут.

Можно ли считать эту строчку подлинно некрасовской? Мы затрудняемся ответить на этот вопрос с полной уверенностью. Все же нам кажется, что есть известные основания приписывать ее автору стихотворения. Дело происходило, как нам кажется, следующим образом. Некрасов не мог не понимать, что десять стихов, - от "А что?"... до "Извольте посмотреть", - настолько остры социально, что цензура их никоим образом не пропустит. В самом деле, в них излагаются ведь столь возмутительные факты помещичьего произвола и самоуправства (*jus primaе noctis*), что убийство помещика мужиками вполне оправдывается морально. Затем выражение "На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы", - легко могло подать повод для обвинения в нарушении общественной нравственности и благопристойности. По этим причинам Некрасов, по собственной ли инициативе, под непосредственным ли

цензурным нажимом, заменил эти десять стихов одним - не столь острым, но все же передающим его основную мысль. В результате ему пришлось не только внести новую строку: "Бац по башке, да и стащили в лес-то", но и переделать заключительную строку прежнего отрывка. Вместо:

А после и того... А вот, примерно, тут

появилась строка:

Невольно я вздрогнул. Ямщик приподнял кнут".

В заключение отметим, что Панов не только цитирует в своей работе многие сотни стихов Некрасова, но и заканчивает ее своим собственным, огромным, но вялым и растянутым стихотворением "Царство Музы Некрасова". Это стихотворение было напечатано им в той же "Уральской жизни" (1903, № 12, 12 января). Мало удачно и стихотворение "Памяти Н. А. Некрасова", вошедшее в сборник Панова "Гусли звончаты" (СПб., 1896). Оно приурочено к 15-летию смерти Некрасова, и под ним стоит дата: "29 декабря 1892 г. г. Пенза".

Лучшим стихотворением Панова о Некрасове является следующее небольшое стихотворение (из сборника "Вперед!", СПб., 1907, стр. 42):

К МУЗЕ НЕКРАСОВА

Пой громче, Муза мести и печали!
Людским страданьям нет еще конца...
Тебя враждой завистливой встречали,
Твою главу не лаврами венчали,
А тернием позорного венца.

Но ты смела, как прежде, величава,
Не клонишь долу гордого чела;
Ты на бессмертье не искала права,
Оно - твое! Других покинув, Слава
К тебе подругой позднею пришла.

Негодование или скорбь во взоре
Горит огнем священным у тебя,
И ты спешишь туда, где труд и горе,
Где стонет слабый, честные - в позоре,
Клеймишь неправых, правоту любя.

Да будет песнь больнее острой стали,
Грозней отваги мощного бойца...
Пой громче, Муза мести и печали,
Чтоб все от сна постыдного восстали,
Чтоб содрогнулись черствые сердца!

Толпу "враждебным словом отрицанья"
Учи любви, неси перед толпой
И в бурю светоч; пусть его мерцанье
Дрожит во тьме... О, спутница страданья,
Счастливым людям о несчастных пой!

29 декабря 1902 г. С. -Петербург

Примечания

¹ Здесь и далее в этом стихотворении курсив принадлежит Н. А. Панову.

² Присочиненные Н. А. Пановым стихи выделены нами. (В. Е. -М.)

³ Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Пгр., 1922, стр. 146.

⁴ Курсив наш (В. Е. -М.)